

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «„КАЛЕВАЛА” — ВЫДАЮЩИЙСЯ ПАМЯТНИК МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

28 февраля (1835 г. Элиас Лённрот подписал предисловие к первой версии «Калевалы», созданной им на материале народных песен карелов и финнов. Именно этот день стал считаться днем рождения «Калевалы». Новое ее издание, значительно отличавшееся от первой версии, вышло в свет в 1849 г. Время канонизировало эту, вторую версию лённротовской «Калевалы».

Подготовка к 150-летию «Калевалы» в Карелии и Финляндии началась два года назад. В ней принимали участие различные учреждения культуры, творческие союзы и организации. По телевидению Карелии в течение двух лет (ежемесячно) продолжался цикл передач «Читаем „Калевалу”» с комментариями ученых Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР (далее — ИЯЛИ КФ АН СССР). Государственный музей КАССР организовал постоянно действующую выставку «„Калевала” — памятник национальной культуры карельского и финского народов». Жители Карелии познакомились с выставками художников, иллюстрировавших эпос «Калевалу» (М. Мечев, Т. Юфа, Г. Стронк и др.).

С 29 января по 3 февраля в Карелии проходила Неделя «Калевалы», на которую приехали писатели и ученые из Москвы, Ленинграда, Воронежа.

Главным событием Недели стала проведенная 30 и 31 января в Петрозаводске научная конференция «„Калевала” — выдающийся памятник мировой культуры», которая была организована ИЯЛИ КФ АН СССР, Петрозаводским государственным университетом им. О. В. Куусинена, Карельским государственным педагогическим институтом, Петрозаводским филиалом Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. В конференции приняли участие ученые и писатели Москвы, Ленинграда, разных городов Эстонии, Литвы, Армении, Коми и Удмуртской АССР, Карелии, а также Финляндии. Все заседания были пленарными.

Конференцию открыла директор Института ЯЛИ Карельского филиала АН СССР М. Н. Власова. В работе конференции приняли участие первый секретарь Карельского обкома КПСС В. С. Степанов, секретарь обкома КПСС Е. М. Морозов, председатель Президиума Верховного Совета Карельской АССР И. И. Сенькин.

На конференции рассматривался широкий круг проблем. Было сделано 22 доклада и 11 сообщений о фольклорной основе «Калевалы», о принципах творческой работы Элиаса Лённрота, о соотношении «Калевалы» и народной поэзии, «Калевалы» и других эпосов, о влиянии «Калевалы» на литературу, музыку, живопись.

В докладе Э. Г. Карху (Петрозаводск) «„Калевала” — выдающийся памятник мировой культуры» было уделено внимание трем аспектам: 1) соотношению «Калевалы» с фольклорной традицией; 2) историзму в «Калевале» и фольклоре; 3) влиянию «Калевалы» на финскую, карельскую и мировую культуру. Докладчик подчеркнул, что «Калевала» как крупное художественное явление не вмещается в узкие национальные рамки. Она принадлежит финской и карельской национальной культуре, и вместе с тем это памятник мировой культуры.

«„Калевала” как процесс» — так назывался доклад фольклориста Лаури Хонко (Хельсинки). Под «Калевалой» в широком смысле ученый подразумевает тот процесс в культурной жизни Финляндии, который привел к созданию поэмы и продолжается до сих пор. Важнейшим звеном его является работа самого Лённрота в 1828—1849 гг. Докладчик подробно остановился на проблеме аутентичности «Калевалы», ее соответствия первоисточникам. Поскольку состав и композиция «Калевалы» не реконструкция народного эпоса, а результат творчества самого Лённрота, она более всего аутентична на уровне единичных строк. Сочленения строки в группы, Лённрот брал их из песен разных регионов. Еще свободнее он соединял эпизоды в сюжеты. Поэтому Лённрота можно назвать поэтом, сочинившим эпос, в котором есть соответственный сюжет. Остановившись на вопросах исторического и мифологического толкования рун, Л. Хонко отметил, что в рунах невозможно выявить историческое ядро, зато в них отражаются мифологические представления различных исторических эпох.

В. Я. Евсеев (Петрозаводск) в докладе «К вопросу об историзме карело-финского эпоса» продолжил тему, начатую Л. Хонко. «Историзм эпической поэзии, — сказал он, — проявляется в мифологических рунах карел и финнов слабее, чем в более поздних героических. Однако синкретизм эпических жанров, обеспечивавший контакционные процессы между этими разными жанрами рун, привел к взаимопроникновению в них исторических реалий. Историзм пронизывает всю систему эстетических,

стилевых, художественных особенностей рун, их историческую поэтику. Это особенно наглядно видно при сопоставлении устной эпической традиции с содержанием так называемого первого издания „Калевалы”.

Непосредственно рунопевческим традициям были посвящены два доклада «Наследие выдающихся карельских рунопевцев и „Калевала”» (Н. А. Лавонен, Петрозаводск) и «Эпические песни Южной Карелии» (А. С. Степанова, Петрозаводск). Особое внимание Н. Лавонен уделила карельским рунопевцам Савве Никутьеву (Трохкимайнену), Оитрею Малинену, Ваасиле Килевяйнену, Юрки Кеттунену, Архиппе Перттунену.

Из всех регионов «калевальской» поэзии менее всего исследована Южная Карелия. А. С. Степанова рассмотрела южнокарельские рунопевческие традиции на примере одного рода сказителей — Муйлачевых из Эльмитозера (ныне Вохтозерский с/с Кондопожского района). Родоначальник этой семьи — Архиппа Муйлачу. В 1871 г. эпические песни от него записывал А. А. Борениус. Эпическое наследие А. Муйлачу переняла его внучка М. Ф. Архипова. Одной из крупнейших южнокарельских сказительниц стала ее сестра А. Ф. Никифорова.

Соотношения «Калевалы» и народной поэзии так или иначе касались многие выступающие. У. Б. Далгат (Москва) считает весьма перспективным рассмотрение «Калевалы» с позиций системного анализа, в аспекте эпической памяти и эпического знания вообще.

Доклад С. Н. Азбелева (Ленинград) назывался «Эпопея и народная циклизация эпических песен». По наблюдениям ученого, изучение фольклорных эпопей у народов СССР подтвердило тезисы А. Н. Веселовского о закономерности превращения при определенных условиях всякого народного эпоса из разрозненных песен через циклизацию в эпопею. «Объективно „Калевала” — это попытка реконструировать эпопею, которая могла бы возникнуть путем циклизации рун в народной традиции», — считает Азбелев.

Однако, как явствует из докладов Л. Хонко, В. Кауконена (Хельсинки), Э. Киуру (Петрозаводск), Н. Лавонен, А. Мишина (Петрозаводск), факты говорят о другом. Попытки рунопевцев объединять эпические песни в циклы привели к созданию ряда «народных эпосов», которые не превышали 1000 строк (версия «Калевалы» 1849 г. состоит из 22 795 строк). Из-за обилия разнохарактерного, разножанрового, «разногеройного» материала Лённрот не мог следовать принципам, которыми руководствовались народные певцы. Ведущими для него стали его собственные представления о древней истории Финляндии, о доисторической эпохе карелов и финнов, его понимание сампо и т. д.

В докладе «Фольклорные истоки „Калевалы”» А. И. Мишин рассмотрел «строительный» материал эпопей — ряд песен, из которых Лённрот «извлекал поэтический материал», и пришел к выводу, что народные строки, взятые из разных песен (эпических, свадебно-обрядовых, лирических, заклинаний) в «Калевале» приобретали новые функции и качества, теряли жанровые особенности. В тексте эпопей изменялись и народные сюжеты, и образы, и герои. Большинство персонажей «Калевалы» — это лённротовские обобщения многих фольклорных героев.

О том, как эволюционировал образ загодочного сампо в народной поэзии и на разных стадиях создания Лённротом «Калевалы», рассказывалось в докладах В. Кауконена «Каким представлял себе сампо Лённрот» и Э. С. Киуру — «Миф о сампо».

В. Кауконен показал, что на представления Элиаса Лённрота о сампо оказали воздействие не только народные песни и комментарии самих рунопевцев, но и суждения немецкого ученого Якоба Гримма. Особую роль сыграло понимание Лённротом исторического развития культуры, способов добывания средств жизни. Аллегорическая гипотеза Я. Гримма о том, что «сампо — это талисман, обладание которым приносило всяческое счастье так же, как владение волшебным Граалем», легла в основу идеи, проходящей через всю лённротовскую поэму: «Только с помощью просвещения и культуры люди и народы смогут достигнуть материального благополучия и вечного счастья».

Э. С. Киуру рассмотрел несколько стадий в эволюции образа сампо в народной поэзии. Древнейшими сюжетами были мифы о похищении культурных благ (промысловой дичи, семян злаков, домашних животных) у первохранительницы, хозяйки Похьёлы. На определенной стадии общественно-исторического развития миф о сампо, по мнению Э. С. Киуру, оказался включенным в систему песен о героическом сватовстве в экзогамном роду Похьёлы, и создание сампо стало восприниматься в качестве «трудной задачи», которую надо выполнить, чтобы получить невесту. В народной тра-

диции так и не успела возникнуть сколько-нибудь развитая концепция сампо в новых исторических условиях. Эту работу завершил Э. Лённрот в «Калевале».

С сообщением «К семантике образа девы-лося в карело-финском эпосе» выступила Н. А. Криничная (Петрозаводск). По ее мнению, в этом образе, основа которого «древнейшая, мифологическая, обусловленная тотемистическими представлениями», наблюдается «трансформация архаического сюжета о браке человека и мифологического существа». В силу преодоления прежних представлений о взаимосвязи человека и природы этот брак осмысливается уже как невозможный, а «сюжет приобретает юмористический оттенок», считает Н. Криничная.

Ряд докладов и сообщений были посвящены переводам «Калевалы», ее влиянию на национальные литературы нашей страны.

О значении русского перевода Л. П. Бельского говорил К. В. Чистов (Ленинград). Этот перевод сыграл крупнейшую роль в истории русской «Калевалы». Бельский, подчеркнул докладчик, был «не только опытным поэтом, но и блестяще образованным человеком, знавшим много языков, фольклористом школы академика Ф. И. Буслаева. Поэтому его перевод — не только встреча русской поэзии с финской, но и русской фольклористики с финской фольклористикой».

История переводов «Калевалы» на коми и литовский языки рассматривалась соответственно в сообщениях В. Н. Демина (Сыктывкар) и С. Скродяниса (Вильнюс). На коми язык отдельные руны «Калевалы» переводились В. Лыткиным, В. Чисталевым, А. Туркиным. На литовский «Калевалу» перевели А. Сабалаяускас (1922 г.) и Ю. Марцинкявичус (1972).

«Калевалу» в контексте других народных эпосов и литератур рассматривали У. Кольк (Тарту) — «Калевала» и «Калевипоэг», Ю. Г. Рочев (Сыктывкар) — «Коми фольклор и художественно-поэтический мир „Калевалы“», А. Микушев (Сыктывкар) — «Куллерво и ижмо-колвинский оленевод сирота-приемыш Канина», М. Т. Слесарева (Устинов) — «Типы параллелизмов в свадебной поэзии восточных финно-угров в сопоставлении с «Калевалой»», Е. А. Кузаклова (Калининград Московской области) — «Некоторые сведения о сходстве и различии рун „Калевалы“ и мансийского фольклора», М. Хийемая (Тарту) — «Об отношении к животному миру в народных верованиях эстонцев и в карело-финском эпосе „Калевала“», Т. Г. Первозчиков (Устинов) — «„Калевала“ и формы эпической традиции удмуртов».

Как видно из названий докладов и сообщений, значительное внимание было уделено сопоставлению фольклора родственных, финно-угорских народов и «Калевалы», являющейся фольклорно-литературным произведением.

О роли фольклорных традиций в современной поэзии Карелии и влиянии «Калевалы» на финноязычную прозу говорили Э. Л. Алто и Т. И. Старшова (Петрозаводск).

Девять докладов и сообщений было посвящено теме «„Калевала“ и искусство (живопись, музыка)». На анализе работ советских художников, иллюстрировавших «Калевалу», остановились С. К. Полякова (Петрозаводск) и М. И. Безрукова (Москва). Широкий материал привлекли музыковеды Т. В. Краснопольская, Ю. Г. Кон, О. А. Бочкарева, У. Ген Ир (все из Петрозаводска).

В перерывах между заседаниями перед участниками конференции выступили скандинавская из д. Вокнаволок (Калевальский район) А. А. Ремшуева и ансамбль народной музыки Петрозаводского университета под руководством Г. Туровского. Студенты финно-угорского отделения филологического факультета показали игру на двенадцатиструнным кантеле и на древних забытых инструментах лийру и ёусикко, а также исполнили карельские и финские песни и танцы.

Конференция наглядно показала глубокий интерес к «Калевале» во всем мире. Многие аспекты ее изучения требуют совместных усилий ученых нашей страны и Финляндии. Нынешняя конференция была новым шагом в этом плодотворном сотрудничестве двух стран.

А. И. Мишин